

На правах рукописи

ЯНЬ Хунлэй

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Тропкина Надежда Евгеньевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Миц Белла Александровна*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»), профессор кафедры русской и зарубежной литературы).

Дьяченко Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет»), доцент кафедры русского языка).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Защита состоится 16 июня 2026 г. в 13:00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 05 мая 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Шацк Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Задача постижения художественного мира М. Цветаевой как литературного феномена осознается как очень сложная. Это обусловлено спецификой творческой индивидуальности поэта.

Поэзии М. Цветаевой посвящена поистине необъятная литература. Различные грани ее жизни и творчества детально и основательно изучены. Можно говорить о существовании целой отрасли филологии, которая исследует не само литературное наследие М. Цветаевой, а его изучение в рамках различных гуманитарных дисциплин.

Актуальность темы диссертации обусловлена тем, что в поэзии М. Цветаевой образы птиц занимают значительное место. Показателем этого является не только частотность обращения М. Цветаевой к орнитологическим мотивам, но и та особая роль, которая отводится орнитонимам в поэтическом языке М. Цветаевой. Мотивно-образный комплекс «птица» в художественном мире поэта воплощает духовное начало. Орнитологическая образность является одним из определяющих факторов самоидентификации М. Цветаевой, что нашло отражение в структуре авторского мифа на всех этапах ее творческого пути. Частотность и значимость орнитологических образов в творчестве М. Цветаевой во многом предопределила особенности восприятия поэта ее современниками и исследователями. Неслучайно книга А.А. Саакянц названа «Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс», а биография поэта, написанная И.З. Фаликовым, носит заглавие «Марина Цветаева: твоя неласковая ласточка».

Обращение к орнитологическому коду в поэзии М. Цветаевой закономерно, поскольку он, как и зоологический код в целом, является существенной составляющей национальной и индивидуально-авторской художественной картины мира. Образы птиц играют в поэзии М. Цветаевой важную смыслообразующую роль, моделируют тексты отдельных произведений, циклов стихотворений и книг стихов.

Раздел введения посвящен рассмотрению степени изученности темы в филологии, включая труды, различные по жанру (монографии, диссертационные исследования, статьи) и по тематике.

Объектом исследования является орнитологический код в структуре мотивно-образного строя поэзии М.И. Цветаевой 1910 – начала 1920-х гг.

Предмет исследования – истоки, художественные функции, особенности репрезентации в тексте орнитологического кода лирики М. Цветаевой 1910 – начала 1920-х гг.

Материалом диссертационного исследования послужили поэтические произведения М. Цветаевой, которые были созданы в период 1910 – начала 1920-х гг., эпистолярное наследие М. Цветаевой, воспоминания современников о ней, биография М. Цветаевой.

Выбор в качестве предмета исследования стихотворений М. Цветаевой, созданных на протяжении указанного периода, не случаен. Именно к этому времени относится формирование творчества поэта, наиболее ярко проявляются особенности образного строя ее лирики, обусловленные целым комплексом факторов биографического и исторического характера. Одной из значимых составляющих мотивного комплекса лирики М. Цветаевой становятся орнитонимы, которые в совокупности образуют орнитологический код ее поэзии. Отбор образов ворона, лебедя и ласточки, являющихся предметом анализа в качестве составляющих орнитологического кода цветаевской лирики доэмигрантского периода, обусловлен их частотностью и значимостью в лирике поэта. На примере этих орнитонимов рассматривается механизм смыслообразования и интерпретационный потенциал орнитологического кода в поэзии М. Цветаевой 1910 – начала 1920-х гг.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в том, чтобы установить истоки, художественный смысл и функции, способы репрезентации в тексте орнитологического кода поэзии М. Цветаевой на материале ее лирических стихотворений 1910 – начала 1920-х гг.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

– проанализировать мотивы, символы, систему тропов, которые являются элементами художественной репрезентации образов птиц в лирике М. Цветаевой и в совокупности составляют орнитологический код ее поэзии;

– рассмотреть художественную семантику образов птиц в поэзии М. Цветаевой, выявить ее обусловленность факторами биографии поэта, историческими событиями эпохи;

– установить истоки орнитологического кода поэзии М. Цветаевой в фольклоре, мифопоэтике, христианских традициях, традициях русской и европейской мифологии и литературы;

– определить на примере анализа образов ворона, лебедя и ласточки особенности формирования и функционирования орнитологического кода в ее поэзии.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые совокупность образов птиц в лирике М. Цветаевой доэмигрант-

ского периода рассматривается системно и целостно как смыслообразующий орнитологический код.

Методологическую основу настоящей работы составляют фундаментальные исследования в области теории и истории литературы – работы А.Н. Веселовского, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, И.З. Сурат, В.Н. Топорова, М.Н. Эпштейна; исследования по проблемам анималистических и в первую очередь орнитологических образов в литературе: работы Т.В. Авдеевой, А.В. Азбукиной, Ван Е, А.В. Гуры, А.В. Никитиной, Н.Е. Тропкиной, У Хань, Цзин Цзинши; работы о творчестве М. Цветаевой – исследования В.Ю. Александрова, Р.С. Войтеховича, О.А. Клинга, Т.С. Кругловой, Н.О. Осиповой, А.И. Павловского, О.Г. Ревзиной, О.А. Скриповой, А.А. Саакянц и др.

Методы исследования обусловлены целями и задачами, поставленными в диссертации: это метод традиционного историко-литературного анализа, который дает возможность выявить детерминированность образного строя поэзии М. Цветаевой традициями русской и европейской словесности; системный метод, включающий целостный анализ лирического стихотворения, биографический метод, позволяющий выявить истоки орнитологического кода, сравнительно-сопоставительный метод.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней углублено представление об образном строе лирической поэзии. Полученные выводы вносят вклад в изучение истоков, художественных функций, способов репрезентации орнитологического кода в литературном произведении.

Практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по истории русской литературы XX в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мотивы, символы, система тропов, являющиеся художественной репрезентацией образов птиц в лирике М. Цветаевой, в совокупности составляют орнитологический код ее поэзии. В его основе лежит примат субъективно-творческого начала, определивший авторскую трансформацию вечных тем как важнейшую особенность художественного мира М. Цветаевой.

2. Образы птиц в поэзии М. Цветаевой сочетают традиционную семантику и значения, обусловленные авторскими установками, историческими обстоятельствами, особенностями мировосприятия поэта, эле-

ментами автобиографического мифа, творческим диалогом с художниками прошлых эпох и с поэтами-современниками.

3. К основным истокам орнитологической образности в лирике М. Цветаевой можно отнести биографию поэта, фольклорные и мифологические источники, христианские традиции, произведения древнерусской литературы, прежде всего – «Слово о полку Игореве», русскую поэзию XVIII и XIX вв., поэзию Серебряного века, традиции европейской словесности: античной мифологии, творчества широкого круга западноевропейских поэтов, в том числе В. Шекспира, И.В. Гете, Г. Гейне.

4. Анализ истоков, художественного смысла и особенностей поэтики образов ворона, лебедя и ласточки позволяет выявить механизмы формирования и функционирования орнитологического кода в поэзии М. Цветаевой. Каждый из этих образов является основой смыслообразующего начала, ключом к прочтению поэтических произведений, содержащих обращение к этим орнитонимам.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен материал исследования, который включает обширный ряд стихотворений М. Цветаевой 1910–1920-х гг.; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на Десятой Международной научной конференции «Восток-Запад: антропологическое пространство в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2023); Научном семинаре Южного научного центра РАН «До и после Чехова: вопросы традиции» (Ростов-на-Дону, 2024); Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Небо, звезды и воздушный океан в художественной литературе и языковой картине мира» (Москва, 2024); Научном семинаре Южного научного центра РАН «Пространственные метаобразы литературы юга России: река» (Ростов-на-Дону, 2025); X Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Горы и ландшафт Земли в художественной картине мира» (Москва, 2025); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения литературы и фольклора в аспекте соотношения “ума” и “сердца”» (Волгоград, 2025). По теме диссертации опублико-

вано 6 научных статей (общий объем 2,9 п. л.), из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами, характером исследуемого материала. Диссертация (175 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (360 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, охарактеризованы его теоретико-методологическая база и научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации результатов работы, определена ее теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе «Орнитологический код в поэзии М. Цветаевой и образ птицы как его составляющая»** исследуется орнитологический код как теоретическое понятие и механизм его литературного воплощения.

В **параграфе 1.1 «Орнитологический код как литературоведческая категория»** рассматривается понятие кода как базовое для научной парадигмы второй половины XIX – начала XXI вв. Культурный код определяется как знаковая реализация архетипов сознания. Важным для понимания культурного кода является способность его составляющих воспроизводить ассоциативные значения системы в целом.

М. Фуко в работе «Слова и вещи» акцентирует внимание на роли культурных кодов в формировании языка, мышления, образа действия человека: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»¹. В фольклорном и литературном тексте коды актуализируются через вербальные составляющие.

Понятие литературного кода может иметь как расширительное, так и конкретное наполнение, связанное с творчеством определенного автора.

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург, А-сэд, 1994. С. 33.

Говоря об особенностях культурного кода, важно отметить, что он строится на системе оппозиций. Это могут быть оппозиции пространственные, цветовые, звуковые, оппозиции онтологического характера.

Система орнитологических образов в словесности может осмысливаться как существенная часть культурного кода и вместе с тем как составляющая картины мира на разных уровнях. Неслучайно именно образы птиц образуют собственную систему. Этому способствует то, что орнитологическая символика обладает свойством метафорического осмысления самого широкого круга явлений природы и человеческого бытия. Такое свойство обусловлено особенностями, на которых акцентирует внимание В.А. Маслова: «Коды культуры лежат в основе тропического осмысления мира и представляют собой своеобразный строительный материал для тропа, чаще всего – метафоры. <...> Метафора помогает нам понимать мир, поэтому о ней говорят как о средстве оформления реальности. И в этом отношении код сходен и с метафорой»².

Система вербальных знаков орнитонимов, круг связанных с ними символов может рассматриваться в рамках определенной культуры. В художественном и прежде всего в поэтическом тексте орнитонимы способны отражать сущностные грани авторского миропонимания. Категория «орнитологический код» исследуется в ряде работ как одна из ключевых в структуре образного строя лирической поэзии.

Важным представляется системное понимание орнитологического кода как смыслообразующего начала в рамках определенной культуры, национальной или индивидуальной авторской картины мира. Составляющие культурного кода существуют в контексте культуры, несут ее отпечаток, по которому этот контекст можно реконструировать.

Наблюдения человека над птицами, рецепция целого комплекса элементов, связанных с ними, таких как полет, звуки, издаваемые птицами, их внешний вид, таких образов, как крылья, гнездо, птичье перо, имеют многовековую историю. Эти образы становятся неисчерпаемым резервуаром образности, которая пронизывает самые разные ветви словесности: фольклор, мифологию, литературу.

Художественная семантика индивидуально-авторского кода предопределяется обширным рядом факторов. В их числе – биография писателя, его мировосприятие, литературные и фольклорные традиции, которые влияют на его творчество.

² Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского // *Метафизика*. 2016. № 4 (22). С. 82.

Зоологический код выделяется в рамках биоморфного, а орнитологический, соответственно, как часть зоологического кода. В ряду общепризнанных кодов культуры зооморфный занимает существенное место и является одним из древнейших.

У каждого поэта есть свой «птичий пантеон», включающий различные орнитологические мотивы и образы. Их совокупность мы рассматриваем как орнитологический код, обладающий смыслопорождающим потенциалом и возможностями интерпретации через его призму как отдельного текста, так и художественного единства – цикла, книги стихов, определенного периода творчества автора или его творчества в целом.

Семиотическая насыщенность орнитологической образности определяется уже самой природой птицы. Следовательно, орнитологический код формируется не только на уровне символики отдельных птиц, но и на уровне устойчивых пространственно-смысловых моделей, что обозначается термином «орнитологическое пространство». Помимо этого орнитологический код коррелирует с такими категориями, как время, в том числе время года, внутренний мир человека, природа и культурные традиции. В поэтическом творчестве орнитологический код обладает чертами универсальности и архетипичности, репрезентируется через систему устойчивых оппозиций, таких как верх / низ, свобода / несвобода, земля / небо, жизнь / смерть, динамика / статика, безграничность / замкнутость и многих других.

Перечисленные выше оппозиции особенно важны применительно к поэзии М. Цветаевой. В художественном мире поэта вертикальная координата, устремленность ввысь, противостояние земного и небесного, привязанности и свободы становятся не частными мотивами, а основами миромоделирования. Поэтому орнитологический код закономерно оказывается одной из наиболее значимых составляющих в образном строе ее лирики.

Вместе с тем орнитологический код не сводится к простому воспроизведению готовых культурных значений. Он включается в систему индивидуально-авторского мифотворчества.

Орнитологический код обладает смыслопорождающим и интерпретационным потенциалом. Изучение его истоков, закономерностей функционирования, художественной семантики и способов репрезентации в поэзии М. Цветаевой доэмигрантского периода является одним из продуктивных путей постижения художественного мира поэта.

В *параграфе 1.2* предмет рассмотрения – «Художественная семантика образа птицы в структуре орнитологического кода поэзии М. Цветаевой».

В творчестве М. Цветаевой значительное место занимают и образы птиц как видового понятия, и отдельные орнитонимы – их круг обширен. В широком спектре поэтических образов, образующих орнитологический код, в поэзии М. Цветаевой актуализированы прежде всего те, что наиболее адекватно отражают специфику ее художественного мира.

Одно из традиционных значений образов птиц связано с природным циклом, со сменой времен года. Такое значение характерно для поэзии М. Цветаевой в минимальной степени. В большей мере ее лирике свойственна иная традиционная семантика орнитонима – его связь с временем суток. Именно эта грань образа наиболее отчетливо соединяет его с категориями человеческой жизни, внутреннего мира и мироощущения личности. В качестве примера обратимся к раннему стихотворению М. Цветаевой – «Спят трещотки и псы соседовы...»:

*Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов – и зорких птиц*³

В этом стихотворении образ птицы вписан в картину ночи, представленную в книжно-театральном, романтическом ракурсе.

В стихотворениях М. Цветаевой слово *птица* может употребляться в качестве субститута слова *утро* – например, в стихотворении «Вчера еще в глаза глядел...»: «Вчера еще до птиц сидел».

Одно из главных значений образа птицы у М. Цветаевой имеет очень древние, архаичные истоки и вместе с тем является вечным и архетипическим – птица как воплощение души. Наиболее ярко в поэзии М. Цветаевой эта грань орнитологического кода проявилась в образе души-Психеи.

Обращение к образу птицы в поэзии М. Цветаевой – один из частотных художественных путей самоидентификации героини ее поэзии. Такое самоотождествление поэта с птицей характерно для лирики М. Цветаевой, где оно может иметь различные способы художественной актуализации. Примером может служить ее раннее стихотворение «Что видят они? – Пальто...», представляющее собой автопортрет поэта. В тексте акцентируется внимание на динамике, стремительном движении. Образ лирического «я» не просто вписан в систему природ-

³ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 240.

ных образов – он наделяется магической силой, способностью порождать явления природы: «Нет ветра, но ветер есть / Над этою головою!».

В финальном катрене образ птицы прямо назван:

*Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает – тучи!*⁴

Орнитологический мотив в тексте представлен в его самых характерных проявлениях: пространственных / динамических и акустических. Героиня стихотворения в финале метафорически превращается в птицу, местом ее обитания становится небо. Этот мотив перекликается со словом «Вознесение», стоящим рядом с датой стихотворения.

Образ птицы как ключевой элемент самоидентификации характерен и для других стихотворений М. Цветаевой 1910–1920-х гг. Так, в стихотворении «Поступь легкая моя...» самоотождествление героини с птицей обозначено как ключевой мотив:

*Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,
Посему – летай и пой.*⁵

В стихотворении «На бренность бедную мою...», входящем в цикл стихов «Комедьянт», образ птицы вновь представлен в ее наиболее ярких проявлениях – акустических и динамических:

*На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.*⁶

Полет и пение – самые частотные проявления архетипа птицы. Однако в стихотворении М. Цветаевой высвечиваются и иные грани художественной семантики орнитологического образа: образ птицы – это

⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 236.

⁵ Там же. С. 436.

⁶ Там же. С. 526.

свобода и легкость, но одновременно и названное в первой строке стихотворения свойство – бренность, то есть хрупкость и эфемерность.

Самоотождествление героини с птицей связано с поэтологическим аспектом ее лирики. Такое осмысление образа птицы имеет глубокие корни в мировой поэтической традиции, но у Цветаевой оно получает особую художественную остроту. Птица в ее поэзии связана не только с пением или вдохновением, но и с самой структурой мифа о поэте. Место обитания птицы – небо – в поэзии Цветаевой становится «пространством мифа, памяти, встречи и диалога с поэтом»⁷. Орнитологическая образность становится одной из значимых форм организации этого пространства.

Наиболее характерно для орнитологического кода у М. Цветаевой представление о птице как воплощении поэта. Образ полета птицы, ее парения в небе становится у М. Цветаевой сквозной метафорой высокого предназначения поэта.

Орнитологический код является в лирике М. Цветаевой ключом к пониманию закономерностей создания образа поэта. Поэт – сын неба, он подобен птице, с его образом связаны атрибуты, присущие птице, и тот метафорический топос, который относится к орнитологическому пространству. В.Н. Голицына пишет об этом: «Но при всей статусной разнице между поэтами-адресатами Цветаевой элементы “иноприродности” и “небесности” – их инвариантные признаки»⁸. Образ птицы в поэтологическом ключе отразился в произведениях М. Цветаевой, посвященных поэтам – ее современникам. Одно из таких посвящений – цикл «Стихи к Блоку». Орнитологический код является в нем текстообразующим, и это задано уже в первой строке начального стихотворения цикла: «Имя твое – птица в руке». Интерпретации «Стихов к Блоку» и его первой строки посвящен широкий круг исследований, содержащих различные трактовки. Нам представляется важным, что первая строка не только стихотворения, но и цикла стихов в целом, вводит в текст орнитологический код, который является в нем магистральным.

⁷ Пасько Ю.В. Поэт «под небом и над землей»: небо как пространство мифа в поэзии Марины Цветаевой // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 11 (188). С. 168.

⁸ Голицына В.Н. М. Цветаева об Ал. Блоке: (Цикл «Стихи к Блоку») II // Блоковский сборник. Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Тарту: ТГУ, 1989. Т. 9. С. 104.

Образ птицы как видового понятия в поэзии Цветаевой следует понимать как смысловое ядро, способное разворачиваться в разных направлениях – от темы поэта до темы души, от темы памяти до темы границы между мирами, орнитологического пространства как медиативного.

В творчестве М. Цветаевой можно выделить еще целый ряд значений образа птицы. Однако задача нашей работы – выявить механизм функционирования орнитологического кода поэзии М. Цветаевой.

Во **второй главе «Истоки орнитологической образности в поэзии М. Цветаевой»** исследуется широкий круг биографических, исторических, факторов словесности, сформировавших орнитологический код в лирике поэта.

В **параграфе 2.1 «Биографические истоки орнитологического кода в поэзии М. Цветаевой»** выявляются механизмы формирования образов птиц в ее лирике, обусловленные биографией автора.

Биографические истоки орнитологической образности у М. Цветаевой связаны с темой семьи, детства, матери. Это тема, которую сама М. Цветаева обозначила как «Мать и музыка», мир звуков, акустического начала, которое сопряжено с орнитологической символикой. Знаменательно, что образ матери в стихотворении поэта «Маме» воплощается через мотив раненой птицы:

*Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.⁹*

Ранняя смерть матери, тема сиротства, пустота в эмоциональной привязанности заставили М. Цветаеву постоянно искать в поэзии замещающие ее образы и символы. Птицы как естественное воплощение заботы о птенцах стали источником эмоциональной компенсации или символической реконструкции. В стихотворениях М. Цветаевой не раз повторится образ птенца как беззащитного, нуждающегося в заботе и тепле. В том числе и поэтому в ее стихотворениях часто встречаются слова, которыми обозначаются птенцы: орленок, лебеденок. Например, в стихотворении 1916 г. «Разлетелось в серебряные дребезги...» она пишет:

⁹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 101–102.

*Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?¹⁰*

Ранняя кончина матери символизировала у Цветаевой «несостоявшийся полет» и трагическую судьбу, формируя противоречивую и часто трагическую суть орнитонимов в ее поэзии.

Биографические истоки, судьба М. Цветаевой в детстве прямо названы как определяющие в коротком стихотворении «До убедительности, до...»:

*Две птицы вили мне гнездо:
Истина – и Сиротство.¹¹*

Орнитологический код является текстопорождающим и в ином аспекте темы материнства у М. Цветаевой – она не в позиции осиротевшей дочери, а в ситуации материнства. В стихотворении «Не знаю, где ты и где я...» возникает новая семантика самоотождествления себя и дочери – с птицами:

*Две птицы: чуть встали – поём.
Две странницы: кормимся миром.¹²*

Эти строки написаны в русле христианской традиции. Птицы – небесные существа, они символизируют отрыв от повседневности, прозы жизни. В Евангелии от Матфея сказано: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26).

Во второй части параграфа рассматриваются образы географического пространства, связанные с биографией М. Цветаевой и являющиеся истоками орнитологического кода в ее поэзии. Это прежде всего образы Москвы, которую поэт называет «голубкой», и Крыма, Коктебеля.

В итоге мы можем сделать вывод, что широкий круг биографических факторов предопределил формирование основных элементов орнитологического кода в поэзии М. Цветаевой. В их числе – обстоятельства, связанные с детством и материнством поэта, географические топосы.

В параграфе 2.2 предмет рассмотрения – «*Фольклорные, мифопоэтические и религиозные истоки орнитологического кода в поэзии*

¹⁰ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 255.

¹¹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. С. 81.

¹² Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 421.

М. Цветаевой). В поэтическом мире М. Цветаевой орнитологический код – не составной элемент пейзажной образности, а узловой пункт развернутой системы символов.

Высокая частотность образов птиц в лирике М. Цветаевой мотивирована, в ряду иных причин, тем, что орнитонимы часто входят в перформативные структуры – обращения, приказа, благословения, причитания / плача. Фольклорные и религиозные истоки птичьей образности проявляются не только на тематико-символическом уровне, но, что важнее, на уровне жанрово-стилистического источника: образ «птица» на синтаксическом и прагматическом уровнях запускает сдвиг регистра и переводит текст в статус «ритуализированного высказывания».

В восточнославянском фольклорном контексте птица часто входит в текст в рамках смысловой цепочки «голос – призывание / предсказание – примета – переход границы»: птица может быть вестником и одновременно проводником душ между мирами, а также акустическим эквивалентом «действенного слова» (заклинательный зов, изгнание, оберег). Во многих случаях птица – не статичный символ, а обозначение функции внутри ритуально организованной речи: когда текст выстраивается как вариант «заговора / заклинания / причитания», способ появления птицы, способ ее призывания и акустический рисунок становятся ключевыми маркерами обращения к фольклорному источнику.

В поэзии М. Цветаевой слияние прямого религиозного именованного с обращением вводит птицу в регистр молитвенной адресации. Например, поэт пишет: «Мы одни с тобой, / Голубь, дух святой!»¹³.

Христианская традиция как исток орнитологической образности в поэзии М. Цветаевой рассматривается в параграфе на примере стихотворений «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...», «За Отрока – за Голубя – за Сына...». Образ голубя в них, как нередко и другие орнитонимы в поэзии М. Цветаевой, занимает референциальную позицию в молитвенно-благословляющем высказывании. Религиозный источник образа птицы задается не «тематической цитатой», а синтаксической адресацией, которая помещает орнитологический образ в структуру молитвенного обращения и тем самым раскрывает его сакральный смысл.

В корпусе стихотворений М. Цветаевой, содержащих орнитологические образы, один из наиболее характерных пространственных мотивов связан с лиминальным топосом. Так, в стихотворении «А как бабушке...» это триада «окно – умирание – действие птицы». Орнитологический образ в нем – ключ к образному миру текста:

¹³ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 342.

*А как бабушке
Отходить, отходить, –
Стали голуби
В окно крыльями бить.¹⁴*

Итак, обращение к фольклорно-религиозным истокам орнитологической образности у М. Цветаевой обусловлено не столько тем, что поэт включает в свои произведения символы, образы, тропы, заимствованные из народно-поэтических текстов, сколько тем, что М. Цветаева систематически помещает птицу в распознаваемые структуры ритуализированной речи: либо через молитвенную адресацию, либо через пространственную структуру, либо через оппозицию левой и правой стороны. Эти образы формируют орнитологический код поэзии М. Цветаевой и, в свою очередь, обладают интерпретационным потенциалом, давая ключ к пониманию ее стихотворений.

В **параграфе 2.3** «Традиции русской литературы как исток орнитологической образности в поэзии М. Цветаевой» исследуется широкий круг литературных явлений, ставших предпосылкой формирования орнитологического кода в творчестве поэта. В качестве таких истоков рассматривается древнерусская литература, прежде всего – «Слово о полку Игореве», а также опосредованное, через блоковский цикл стихов «На поле Куликовом», обращение к «Сказанию о Мамаевом побоище»; русская литература XVIII в., в частности наиболее насыщенная образами птиц поэзия Г. Державина.

Механизм формирования орнитологического кода в русле истоков, восходящих к русской классической литературе, рассматривается на примере пушкинской традиции в творчестве М. Цветаевой.

М. Цветаева продолжает пушкинскую линию, где птица является маркером ценностных категорий, но переносит этот механизм внутрь субъекта: орнитоним воплощает жизненно важную для героини стихотворений категорию в духовное устройство ее мира. Показательно и то, как М. Цветаева связывает мотив гнезда с проблемой поэтической вольности. Комментируя пушкинскую поэму «Цыганы», она пишет: «...И кто же тогда вьет гнездо?...Эта птичка – поэтическая вольность»¹⁵. Пушкинский источник в цветаевской орнитологической образности можно определить как наследование самой структуры орнитологического кода, концентрирующего в образе птицы ценностные смыслы.

¹⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 479.

¹⁵ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 73.

О сущностной близости М. Цветаевой к М. Лермонтову пишет Л.В. Спесивцева: «При отсутствии внешнего подобия М. Цветаева явно связана с лермонтовской традицией узами внутреннего родства»¹⁶. И одним из знаков такого родства можно назвать орнитологический код поэзии М. Цветаевой, наследующий традиции поэта XIX в. В лермонтовской цепочке «птичий голос – поэтичность» Цветаева прямо фиксирует поэзию как «полет вести»: крыло и весть оказываются функционально тождественными. Следовательно, Цветаева наследует лермонтовскую субъектную модель взаимной метафоры «поэт – птица», но переводит ее из эстетического уподобления в структуру субъектной динамики.

Непосредственным истоком орнитологического кода у М. Цветаевой явилась поэзия ее старших современников. В параграфе рассматривается механизм обращения к этому истоку на примере образа крыльев в цикле М. Цветаевой «Стихи к Блоку». Блоковская линия задает символистскую семантическую траекторию, превращая птицу / крыло в знак репрезентации не только гибели поэта, но и крушения мира.

В *параграфе 2.4 «Истоки орнитологической образности поэзии М. Цветаевой в зарубежной литературе»* рассматриваются традиции европейской словесности как предпосылка формирования художественной семантики образов птиц в лирике поэта. В ряду таких традиций античная мифология и литература, творчество писателей разных стран и эпох – это и У. Шекспир, и Э. Ростан, и ряд других авторов. Более подробно рассматривается наследование мотивов и образов птиц, восходящее к немецкой поэзии – прежде всего к творчеству И.В. Гете и Г. Гейне, а также к английской поэзии, в частности к лирике П.Б. Шелли. В параграфе раскрываются способы вхождения семантического комплекса европейской романтической поэзии в структуру орнитологического кода поэзии М. Цветаевой и траектории его трансформации.

В **третьей главе «Образы птиц в системе орнитологического кода поэзии М. Цветаевой 1910-начала 1920-х годов»** исследуется художественная семантика и способы репрезентации образов птиц в лирике поэта на примере орнитонимов «ворон», «лебедь», «ласточка».

В *параграфе 3.1 «Образ ворона в поэзии М. Цветаевой как составляющая орнитологического кода»* рассматривается художественная семантика и пути актуализации одного из наиболее частотных в европей-

¹⁶ Спесивцева Л.В. Творчество М. Цветаевой 1910-1920-х годов и традиции русского символизма: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Астрахань, 2000. С. 23.

ской и мировой поэзии образа – ворона. Раскрывается система его значений, возрастание обращений к орнитониму в русской поэзии периода исторических катаклизмов – эпохи, в которую создавалась лирика М. Цветаевой доэмигрантского периода.

Одно из самых известных обращений поэта к орнитониму «ворон» – стихотворение «Хочу у зеркала, где муть...»:

*Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...¹⁷*

Два символа, которые содержатся в начале и в финале стихотворения, составляют в определенной мере единый мотив – предсказания будущего: через гадание на зеркале и через традиционный смысл образа ворона как вещи птицы.

Образ ворона занимает значительное место в стихотворениях М. Цветаевой 1916 г., непосредственно связанных с фольклорной традицией, таких как «Отмыкала ларец железный...», «Говорила мне бабка лютая...».

В стихотворении «Веселись, душа, пей и ешь!..» ворон – птица проклятая, хтоническое существо, связанное с потусторонним миром, соединяется с другим образом, также имеющим зловещий негативный семантический ореол, – образом волка:

*Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок –
Положите меня промеж
Четырех дорог.*

*Там где во поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!¹⁸*

Импульсом к активизации нового обращения М. Цветаевой к образу ворона стали исторические события в России конца 1910-х гг. Актуализируется семантика образа ворона как зловещей птицы, новый смысл обретают акустические мотивы его пророческого крика. Этот мотивный комплекс нашел отражение в стихотворении М. Цветаевой «Над

¹⁷ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 227.

¹⁸ Там же. С. 276.

церковкой – голубые облака...». В нем можно увидеть характерное сочетание пространственных образов: облака в небе и высокий церковный купол символизируют некую константу жизни, которую прерывает вороний крик – знак зловещего предзнаменования.

В параграфе рассматривается художественная семантика образа ворона в любовной лирике М. Цветаевой – на примере стихотворения «В мешок и в воду – подвиг доблестный!..» из цикла стихов, посвященных Н.Н. Вышеславцеву («ННВ»), и стихотворения «Вчера еще в глаза глядел...» из цикла «Песенки из пьесы “Ученик”»: «Вчера еще до птиц сидел, – Все жаворонки нынче – вороны!»¹⁹, в котором прослеживается характерная для орнитологической образности М. Цветаевой окказиональная антонимия, основанная на эмоциональном состоянии героини: орнитоним *жаворонок* символизирует любовь и счастье, *ворон* – утрату любви, крушение жизни.

Орнитологический код, связанный с образом ворона, обретает новую актуальность в цикле стихов «Лебединый стан». Одно из обращений такого рода прямо связано со свойствами воронов кружить над полями сражений. Это строки стихотворения «Буду выспрашивать воды широкого Дона...»:

*Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу – кости не видел белее!*²⁰

Танатологическая символика образа ворона характерна и для стихотворения М. Цветаевой «Гришка-Вор тебя не ополячил...». В нем, как и в другом цветаевском произведении «– Где лебеди? – А лебеди ушли...», образ ворона оказывается в позиции антонимии в рамках орнитологического кода: ворон в одном случае противопоставлен голубю, в другом – лебедю.

В стихотворениях «Лебединого стана» одним из источников орнитологической образности является «Слово о полку Игореве», в тексте которого птицы упоминаются многократно.

Их объединяет, в числе иного, место действия – река, степи. Поэтическому миру М. Цветаевой наиболее созвучен один из образов «Слова...» – образ Ярославны. В стихотворении «Плач Ярославны» звучит прямое обращение героини к ворону:

¹⁹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 546.

²⁰ Там же. С. 572.

*Ворон, не сглазь
Глаз моих – пусть
Плачут!*²¹

Знаменательно, что в подлиннике «Слова о полку Игореве» такое обращение отсутствует: Ярославна взывает к ветру, реке, солнцу. Обращение к ворону обусловлено цветаевским прочтением древнерусского текста. Образ, содержащийся в этих строках, по-своему парадоксален. В народном представлении сглазить – означает навредить кому-либо. В стихотворении М. Цветаевой призыв к ворону – не сглазить – обретает чисто авторское значение: не лишить возможности оплакивать мужа, князя Игоря, и саму Русь.

В **параграфе 3.2** «*Образ лебедя в системе орнитологического кода поэзии М. Цветаевой*» рассматривается художественная семантика одного из самых значимых в ее поэтической орнитологии образа – лебедя. К этому орнитониму М. Цветаева обращалась многократно. Так, в стихотворении «Разлетелось в серебряные дребезги...» поэт объединяет танатологическую и любовную символику. Уже в первой строке возникает мотив разбитого зеркала – устойчивый элемент мортального кода, а в финальных строках мотив молитвы о возлюбленном – о «лебедьке молоденьком».

Произведением М. Цветаевой, семантическим ядром которого становится образ лебедя, является цикл стихов «Лебединый стан», что предопределено уже его заглавием. Лебедь в нем – это воплощение возвышенного и жертвенного начала, что рассматривается на примере стихотворения «Белая гвардия, путь твой высок...».

Лебедями, обреченными на гибель, называет воинов поэт в стихотворении «Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...»:

А останетесь вы в песне – белы-лебеди!

*Зная, шитое крестами, в саван выцвело.
А и будет ваша память – белы-рыцари.*

*И никто из вас, сынки! – не воротится.
А ведет ваши полки – Богородица!*²²

²¹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. С. 7.

²² Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. С. 435.

В параграфе анализируется цветовая символика образа лебедя, система его значений, составляющих элементы орнитологического кода: танатологическая и брачная семантика, образность, связанная с темой рыцарственности.

В параграфе 3.3 «Орнитоним “ласточка” в структуре орнитологического кода поэзии М. Цветаевой» рассматриваются сложные механизмы формирования и функционирования орнитологического кода в поэтическом творчестве М. Цветаевой на примере образа, который встречается во многих ее стихотворениях. Одно из первых обращений к образу ласточки – стихотворение «Его дочке» – пронизано комплексом традиционных значений орнитонима: танатологическая символика и образы времен года в нем соединяются. В параграфе рассматривается художественный смысл образа ласточки в стихотворении из цикла стихов «Плащ» – «Ночные ласточки Интриги...». В нем плащ «великосветских авантюров», легкое и стремительное движение которого олицетворяет полет ласточки, противопоставляется зловещему плащу «Кавалера Калиостро», прослеживается окказиональная антитеза *ласточка – ворон*.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, суммируются доказательства выдвинутых положений, подтверждающие роль и место орнитологического кода в поэзии М. Цветаевой на материале ее лирики 1910 – начала 1920-х гг. Намечаются перспективы дальнейшего изучения заявленной темы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Янь, Х. Смыслообразующая роль орнитологических образов в цикле стихов М. Цветаевой «Лебединый стан»: образ лебедя / Х. Янь, Н.Е. Тропкина // Современное профессиональное образование. – 2026. – № 3. – С. 152–154 (0,5 п. л.).

2. Янь, Х. Орнитологический код в поэзии М. Цветаевой: образ ласточки / Х. Янь // Современное профессиональное образование. – 2026. – № 3. – С. 155–158 (0,5 п. л.).

3. Янь, Х. Художественная семантика образа ворона в поэзии М. Цветаевой 1910-1920-х годов / Х. Янь, Н.Е. Тропкина // Современное педагогическое образование. – 2026. – № 3. – С. 194–196 (0,5 п. л.).

*Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций,
других научных изданиях*

4. Янь, Х. Орнитологическая символика неба в поэзии Марины Цветаевой / Х. Янь // Небо, звезды и воздушный океан в художественной литературе и языковой картине мира: сборник научных статей по материалам Межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием. – Москва: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. – С. 25–29 (0,5 п. л.).

5. Янь, Х. Символика образа ворона в любовной лирике Марины Цветаевой / Х. Янь // Интернаука. – 2025. – № 7–2 (371). – С. 49–50 (0,4 п. л.).

6. Янь, Х. Образ лебедя в поэзии М. Цветаевой конца 1910-начала 1920-х годов / Х. Янь // Научный электронный журнал «Инновационная экономика и современный менеджмент. Журнал для молодых ученых и преподавателей». – 2026. – № 1. – 6 с. – URL: https://iesm-journal.ru/tekushiy_nomer_iesm_2026zql/ (0,5 п. л.).

ЯНЬ Хунлэй

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 09.04.26. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 110 экз. Заказ

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27